

А.В. МАЛЕВА

*(Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, Россия)*

УДК 821.511.132-14
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-335.36

ФЕНОМЕН ОДИНОЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КОМИ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ¹

Аннотация: Автором статьи рассматриваются особенности одной из смысловых доминант образа лирической героини – одиночества. Выявлена специфика художественного воплощения данного феномена в лирике коми поэтесс. Переживаемое лирической героиней одиночество дает представление об особенностях её характера и своеобразии авторского осмысления мира.

Ключевые слова: литература рубежа XX-XXI вв.; современная коми поэзия; женская лирика; лирическая героиня; семантика образа; одиночество.

Образ лирического героя представляет семантико-структурное образование. Под семантикой образа лирического героя Е.В. Купчик подразумевает «множество смысловых составляющих». Как отмечает исследовательница, «повторяемость некоторых из них дает основание выделить смысловые доминанты данного образа»². Одним из таких доминирующих компонентов семантической структуры образа лирической героини современной женской коми поэзии становится одиночество: «проблема одиночества является одной из основных проблем человеческого существования. Она становится актуальной именно в наше время, когда происходит разрушение старых норм, традиций и предпринимается попытка найти новые ориентиры для взаимодействия с окружающим миром»³.

Особый интерес к данной проблеме наблюдается как в психологии, социологии, философии, так и в литературоведении. Не случайно американским драматургом Т. Уильямсом данное чувство охарактеризовано как универсальное и всеобъемлющее: «Все мы отбываем за-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

² Купчик Е.В. Семантика образа лирического героя в поэзии А.М. Тальковского // Славянские духовные ценности на рубеже веков: сборник статей. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. С. 109.

³ Могдалева И.В. Одиночество как форма экзистенции. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Niz/2007_8/mogdalyova.htm (Дата обращения: 10.08.2011).

ключение в одиночной камере своего “Я”»⁴. Анализируя художественный текст, исследователи, как правило, говорят о мотиве, лейтмотиве или теме одиночества в творчестве автора. На наш взгляд, ощущение одиночества, определяемое как «сугубо индивидуальное и часто уникальное переживание <...> особая форма самовосприятия, острая форма самосознания»⁵ становится средством характеристики лирической героини, раскрывающим один из аспектов ее миро-переживания: совершенно справедливо лирика определяется Н.Л. Лейдерманом как «материализованное воплощение отношений человека с миром»⁶.

Семантическое наполнение данной смысловой доминанты представлено как единством, так и разнообразием и индивидуальностью художественного воплощения в творчестве разных коми поэтов. Специфика переживаемого героиней одиночества дает возможность охарактеризовать особенности авторского осмысления жизни: «В темноте одиночества формируется истинная самость»⁷. Своеобразие переживаемого в женской коми лирике одиночества в том, что оно «персонифицировано» в образе лирической героини: оно не столько выступает как объект ее раздумий, сколько представляет привычную, будничную для нее атмосферу, характеризует ее мироощущение, определяет линию ее мышления и поведения.

Значение данного феномена в женской коми лирике полярно: одиночество как одна из форм переживаемой дисгармонии, подразумевающей внутренний конфликт «Я/Мир», противоположно одиночеству-уединению как способу приобщения к мировой гармонии: «одиночество, в отличие от объективной изолированности человека, которая может быть и добровольной, и исполненной внутреннего смысла, отражает тягостный разлад личности, господство дисгармонии, страдания, кризиса “Я”»⁸. Именно как добровольную изолированность можно охарактеризовать явление бытового физического одиночества, представленного в поэзии Н. Обрезковой. Приезд лирической героини на малую родину представляет внутреннее сознательное обособление

---

⁴ Бакли П. Корифей американской драматургии Теннесси Уильямс // «Америка». – 1982. – № 2. С. 29.

⁵ Скорова О. Психологические аспекты одиночества. URL: http://www.nvppi.ru/index.php?page=articles/show_articles&lastid=67&p=0 (Дата обращения: 12.12.2012).

⁶ Лейдерман Н.Л. О специфике лирических жанров // Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание. – Екатеринбург: Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т, 2010. С. 307.

⁷ Юрченко М.А. Одиночество и уединение // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 3. – С. 45.

⁸ Покровский Н. Человек, одиночество, гуманизм // Лабиринты одиночества / Пер. с англ. сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. С. 8.

от внешнего мира, своеобразную изоляцию от жизненной суеты, вызывающую чувство физического и морального отдыха (Н. Обрезкова «Гортõ воа...» – «Я приеду домой...», 2003). В данном случае одиночество становится уединением, способом духовного слияния с окружающим миром, выражением стремления героини прикоснуться к вечному, непреходящему путем преодоления утомления, внутренних конфликтов, душевной расщепленности, вызванной суетой городской жизни⁹. Одиночество как путь к душевному покою, возможности для рефлексии сознательно вызываем героиней, что выражает ее осмысление жизненных явлений с точки зрения их онтологической значимости, провозглашение принципа собственной личностной свободы и духовного освобождения от законов общественной жизни: «уединение означает временную отстраненность от коммуникативной суматохи мирового устройства, в то время как одиночество, скорее, означает быть покинутым всем миром»¹⁰.

Гортõ воа

Да ва дорõ лэчча...

Мудзõм кокьясысь туйяссõ

Ваыс мед босьтас...

Талун некытчõ сэсыя ог мун –

Талун гортын ме...

Талун ме шойчча...

(Н. Обрезкова

«Гортõ воа...», 2003).

(Здесь и далее перевод подстрочный наш. – А.М.).

Я приеду домой

И к речке спущусь...

С ног уставших дороги

Водой смоем пусть...

Сегодня я уже никуда не пойду –

Сегодня дома я...

Сегодня я отдыхаю...

(Н. Обрезкова

«Я приеду домой...», 2003.

Идея о вечном, стабильном и непреходящем находит выражение посредством тройной констатации обстоятельства времени «сегодня», а также его позицией в начале строки. Мир для героини сосредоточен в пространстве малой родины («горт»), которая сакрализована, наделена особой значимостью в силу того, что вбирает в себя масштабы космоса, некоего гармонического целого, позволяющего прочувство-

⁹ Толкование данному типу одиночества мы находим в размышлениях известного представителя философии трансценденталистов, натуралиста Г.Д. Торо. Одиночество определяется философом как результат оторванности человека от природы, возникающее в толпе, в суете будничной жизни, но преодолеваемое путем уединения с миром природы, под которым понимается полезная для человеческой личности форма раскрепощения его беспредельного духовного богатства, скованного «мещанско-обывательской средой». См. *Торо Г.Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. – М., 1962.

¹⁰ *Юрченко М.А.* Одиночество и уединение // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 3. – С. 45.

вать себя в качестве частицы мировой гармонии. Уединение, обретаемое в пространстве малой родины, формирует представление о возвращении героини к истокам. Одиночество героини Н. Обрезковой парадоксально: оно не только преодолеваемо обществом, многолюдным, но, скорее, наоборот, вызывается им. Парадоксальную мысль воплощает форма антитезы в другом стихотворении поэтессы:

Гөгөр – тӧдса чужӧмьяс.

Ни ӧти тӧдса морт.

(Н. Обрезкова

«Кадыс кутіс нюжавны...», 2007)

Вокруг – знакомые лица.

И ни одного знакомого человека.

(Н. Обрезкова

«Время стало тянуться...», 2007).

Если для лирической героини Н. Обрезковой отсутствие собеседника в пользу общения с миром природы выступает как результат сознательной установки на приобщение к гармонии природного мира, то для героини Л. Втюриной приобщение к этой гармонии в большей степени – способ преодоления разобщенности в обществе, нехватки общения, взаимопонимания и духовного единства с человеком: «Мыйлакӧ оз кыскы гортӧ. / Вӧлі кӧ матысса морт, / <...> Чай, гашкӧ, юыштім ськӧд, / пӧткӧдім серниӧн лов. / Кор тайӧ олӧмас кыкӧн, / нинӧмысь быттӧ он пов» – «Почему-то не тянет домой. / Был бы близкий человек, / <...> Чай бы мы попили с ней, / разговорами насытили бы душу. / Когда в этой жизни вдвоем, / нечего вроде и бояться» («Тарыг» – «В этот вечер», 2006).

Данный тип одиночества – преобладающий в женской коми лирике. Сформированный им внутренний конфликт «Я/Мир» достаточно дистанцирован от романтического обособления, пафосного в основе, противостояния миру, отмечаемого исследователями, в частности Г.Ф. Ситдиковой, в творчестве М. Цветаевой, М. Лермонтова¹¹. Героине коми лирики не свойственен тип «гордого одиночества»¹². Наоборот, экстравертность миро-отношения лирической героини сталкивается с интровертностью мира, или нехваткой поддержки и тепла, любви и понимания, общения и дружбы, красок и цвета, новизны и свежести

¹¹ Одиночество в лирике М. Лермонтова и М. Цветаевой определяется как «растворимость в себе, в своем мире». См. *Ситдикова Г.Ф.* Поэтика лейтмотива одиночества // Творчество М.И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции. Материалы Третьих Международных Цветаевских чтений / Под общей ред. проф. А.И. Разживина. – Елабуга: ЕГПУ, 2006. С. 226.

¹² Термин Д.Д. Гирвельда и Д. Раадшелдерс. См. *Гирвельд Д.Д., Раадшелдерс Д.* Типы одиночества // Лабиринты одиночества / Пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. С. 302.

го дыхания – счастья. Одиночество в женской лирике коми скорее можно охарактеризовать как отсутствие идеальных ценностей в жизни лирической героини. Ощущение недостатка духовной взаимосвязи сопровождает героиню в семье (Л. Втюрина «Ошинь дорын» – «У окна», «Тарыг» – «В этот вечер», 2006), в переживании чувства безответной или утраченной любви, в окружении знакомых лиц (Н. Обрезкова «Кадыс кутіс нюжавны...» – «Время стало тянуться...», 2007):

Сöмын кодлы висътавны?
Гөгöр ставыс чöв.
Сöмын зрыс кисъталö,
Сöмын пöльтö тöв.
(А. Мальцева
«Коркö öти гожöмö», 2006)

Только кому поведать?
Вокруг одна тишина.
Только льет дождь,
Только дует ветер.
(А. Мальцева
«Когда-то летом», 2006)

Переживание духовной разобщенности героиней коми лирики характеризует взаимоотношения в современном мире и человека в нем – погруженного в суету повседневной жизни. Семантическим выражением одиночества становится бессонница лирической героини (Н. Обрезкова «Менам öшинь серöдз биа...» – «Допоздна не гаснет свет в моем окне...», 2007; Ан. Шомысова «Дзикöдз пемдiс. И кусiсны бияс...» – «Совсем стемнело и погасли огни...», 2006; Л. Втюрина «Ошинь дорын» – «У окна», 2006; Н. Павлова «Ме видзöда чуймöмөн...» – «Я гляжу с удивлением...», 2006). Текстовое воплощение находит выражение в автокоммуникации, в основе которой – диалог героини с самой собой. Как правило, это размышления о собственной судьбе и предназначении, цель которых – познать, оценить себя и собственное прошлое путем рефлексии. Так, И.В. Гречаник взаимосвязывает подобное мироощущение (переживание одиночества) с существованием жанра «самоотчета-исповеди», «когда одиночество приводит к встрече с внутренним “Я”, сложной, часто непереносимой...»¹³. Такой самоотчет характерен для героини Л. Втюриной и Н. Павловой, которые, прокручивая в сознании прожитую жизнь, оценивают свои поступки с морально-нравственной позиции (Л. Втюрина «Менам эскöм» – «Моя вера», 2006; Н. Павлова «Олöмöс ог эндöд, некодлы ог вежав...» – «Жизнь не забросила, никому не завидовала...», «Лов вуж

¹³ Гречаник И.В. Мотивы одиночества и смерти как формы онтологического протеста и их отражение в русской лирике начала XX века // Гречаник И.В. Художественная концепция бытия в русской лирике начала XX века. Монография. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 175 с. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/grchnc02.php#_ftn2 (Дата обращения: 29.06.2011).

пу» – «Древо души», 2006). Автокоммуникация лежит в основе стихотворений-аутотреннингов, при этом зачастую необходимые героине слова совета, утешения, сочувствия, укора наблюдаем не только в речи самой героини (Н. Павлова «Кылан-ө?» – «Слышишь ли?», 2006; Л. Втюрина «Бурөдөм» – «Утешение», 2006), но и в речи, которой наделен окружающий ее мир (Л. Втюрина «Тарыт» – «В этот вечер», 2006).

Керка бияслөн югöрыс
менсьым янөдас лолös:
«Удитан на му мөдарас.
Таладорын вай олышт!»
(Л. Втюрина
«Лабич вылын», 2006)

Луч домашнего света
пристыдит мою душу:
«Успеешь еще на тот свет.
Поживи давай еще здесь!»
(Л. Втюрина
«На крылечке», 2006)

Лирическое миро-моделирование – еще одна из форм художественного воплощения одиночества героини. Тоскуя по любимому человеку в разлуке с ним, героиня Ан. Шомысовой неосознанно моделирует пространство для двоих – наливает чай на двоих («Эг чайт» – «Не заметила», 2006), кладет две подушки («Кык юрлос пукти...» – «Две подушки положила...», 2006). Символический тип моделирования характерен для героини Н. Обрезковой, переживающей форму одиночества, которая А.Б. Демидовым определяется как «бездомность», или «неопределенность роли и смысла человеческого пребывания в мире; неприкаянность человека в бесконечности; отсутствие предустановленной гармонии человека с миром...»¹⁴. В лирике поэтессы феномен одиночества приобретает масштабность, глобальность и драматичность в силу своей непреодолимости: ощущения, переживаемые ее лирической героиней, воплощены в символической картине ее плутания между двух берегов («Вуджөд менө, пыжаной, мөдлапблас...» – «Перевези меня, лодочка, на другой берег...», 2007), в ощущении собственной чуждости как городскому, так и сельскому пространству («<...>Нэмös корся асьсым мувыв гортös, / Oz тай сетлы енмыс таысь мезд. / Сиктысь муні. Карөдзыс эг вольт. / Эм тай, вөлөм, на костын на ин <...>» – «<...> Век уже ишу свой дом земной, / Не дает Бог от того освобождение. / Из села уехала. До города «не дошла». / Есть, оказывается, между ними место<...>»), в некоторой неуверенности и неопределенности («Енма-муа костас öшйөм лолй» –

¹⁴ Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. – Минск: ЗАО Издательский центр «Экономпресс», 1999. – 180 с. URL: <http://heatpsy.narod.ru/05/demo.html> (Дата обращения: 22.09.2011).

«Между небом и землей зависшая моя душа»), в склонности к самобичеванию («Сикт кузяйс мунігён...» – «По селу идя...», 2007), а безответность всего мира ее терзаниям находит выражение в образе далекого и равнодушного Бога:

Кодлы тай кевмыны?

Ылын тай Енмыс.

Вунёдома Енмыслён

коми мусё.

(Н. Обрезкова

«Меным эськё унаыс оз и ков...»,

2007)

Кому молиться?

Далеко ведь Бог.

Забыл ведь Бог

коми землю.

(Н. Обрезкова

«Мне бы многого и не нужно...»,

2007)

Характеристику подобного мироощущения дает М. Бубер: «В эпоху бездомности мир уже не кажется гармонически упорядоченным целым, и человеку трудно найти себе “уютное место” в нем, – отсюда чувство неприкаянности и “сиротства”»¹⁵. Бесприютность и одиночество становятся олицетворением внутреннего мира героини Н. Обрезковой, образ которой вызывает ассоциации с постоянным поиском собственного предназначения, сиротство же наглядно и метко воплощено в образе родной для героини деревеньки, стертой с лица земли («Нэмёс коля Панькёсиктса мортён...» – «Навеки останусь жителем деревеньки Паньково...», 2007: «Оні нин и Панькёсиктыс абу, / Бөръя керкашойсысь пилитёма пес...» – «Сейчас уже и нет деревеньки Паньково, / Последний дом-развалину спилили на дрова»).

Закономерность, повторяемость, протяженность, будничность данного чувства в женской коми лирике становится обыденным, зачастую даже заменимым явлением. Так, одиночество героини Л. Втюриной, вызванное недостатком гармонии в общении, а также обыденной повседневностью, нехваткой душевного всплеска преодолеваемо, как правило, любованием гармонией северной природы и общением с Богом через молитву (стихотворения-молитвы).

Пёттёдз ягъясті ётнасён шойтан.

Руа сынёдыс медся бур ерт.

(Л. Втюрина «Ягын», 2006)

Досыта бродишь по бору в одиночестве.

Туманный воздух – самый лучший друг.

(Л. Втюрина «В бору», 2006).

¹⁵ Бубер М. Два образа веры / Пер. с нем. – М.: Республика, 1995. С. 170.

При отсутствии у героини Н. Обрезковой недостатка в общении и движении, ее одиночество вызвано как недостатком духовного единства с близким, родным по духу человеком, так и более глобальным ощущением нереализованности внутреннего потенциала, потребностью в осмыслении обшественного предназначения, чем и вызвано, на наш взгляд, стремление к уединению и рефлексии. Глобальность переживаемых ее героиней ощущений изначально подразумевает их непреодолимость, а потому, как правило, они стабилизированы посредством привыкания к испытываемой ситуации: героиня находится в непрерывном плутании по жизни, в статическом ожидании собеседника, в статическом переживании душевного одиночества:

Меным колõ кодкõдкõ
пукалыштны чõв...
Медым вõлї вõлõмаыс,
вõвтõмыс эз вõв...
(Н. Обрезкова «Меным колõ кодкõдкõ...», 2007)

Мне бы нужно с кем-нибудь
тихонько посидеть...
Чтобы было действительно то, что было.
а чего не было, того пусть и не будет...
(Н. Обрезкова «Мне бы нужно с кем-нибудь...», 2007)

Испытываемое героиней Н. Павловой ощущение одиночества, вызванное, как правило, утратами, в частности тоской по детству сына, преодолевается активно-позитивным началом ее личности, а также воспоминаниями и фантастическим (фантазии, сновидения), позволяющим наполнить бытовую жизнь сказкой. Активно-позитивное начало связано с в лирике поэтессы с ощущением собственной исключительности, которое определяется исследователями как экзистенциальное одиночество: мироосмысление героини характеризует ее четкое представление об индивидуальности и неповторимости собственного мироощущения, в частности чувства любви по отношению к родине.

Кодї нõ ме кыланõн сернитас да сьылас,
Кодї нõ ме сьблõмõн чужанїнõс кылас?
Кодї нõ ме синьясõн тэнсьыд мичтõ аддзас,
Кодї нõ став ловтырнас ме моз тэлань вартчас?
(Н. Павлова «Чужан муõй», 2006)

Кто же моим языком скажет и споет,
Кто же моим сердцем родину прочувствует?
Кто же моими глазами красоту твою увидит,
Кто всей душой, как я, к тебе поплывет?
(Н. Павлова «Родина моя», 2006).

В лирике Ан. Шомысовой переживаемое одиночество не обнаруживает смысловой глубины и неизменной стабильности, что свойственно лирике Н. Обрезковой, оно менее семантически масштабно. Одиночество ее героини ситуативно обусловлено, локализовано ситуацией неразделенной любви, отсутствием любимого человека, а потому преодолеваемо либо воспоминаниями о нем, либо его присутствием. Таким образом, совершенно справедливо определение одиночества Д.Д. Гирвельдом и Д. Раадшелдерсом как многомерного конструкта: переживаемое ощущение, по мнению исследователей, «связано с переживанием индивидом ситуаций, воспринимаемых как нежелательный и неприемлемый для него дефицит определенных отношений в их количественном и качественном измерении»¹⁶. Дефицитными для героини современной женской коми лирики, как уже упоминалось выше, становятся, как правило, идеальные, невоплощенные в ее жизни, но ожидаемые ценности: любовь, предназначение, общение, единство, счастье, нечто утраченное.

Переживание одиночества в женской коми поэзии становится отражением выхода лирической героини за пределы собственного личностного мира: в проникновенном изображении одиночества иных лирических персонажей героиня раскрывает такие черты характера, как всеобъемлющее сочувствие и сострадание. Так, героиня Л. Втюриной передает всю горечь утраты мужа ее матерью («Айкөд серни» – «Разговор с отцом», 2006); лирика Н. Обрезковой наглядно воспроизводит одиночество стариков-родителей, ожидающих взрослых детей, погруженных в суету городского образа жизни («Кыдзи овсьö тэныд, пöрысь морт...» – «Как живется тебе, пожилой человек...», 2001).

Таким образом, одиночество в современной женской коми лирике становится средством самопостижения, автокоммуникации, рефлексии, обнаруживая при этом особенности авторского миро-осмысления. Одиночество-уединение выражает тягу к истокам как средоточию целостности и гармонии. Преобладающим в основе внутреннего кон-

---

¹⁶ Термин Д.Д. Гирвельда и Д. Раадшелдерс. См. *Гирвельд Д.Д., Раадшелдерс Д.* Типы одиночества // *Лабиринты одиночества* / Пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. С.306.

фликта «Я/Мир» становится столкновение экстраверсии лирической героини с интровертностью окружающего мира, ее идеальных ценностей и окружающей действительности. Неоднородность масштаба переживаемого чувства колеблется от воплощения в локальной, частной ситуации (Ан. Шомысова) до глобальной в онтологическом смысле: одиночество как небытие, мировая бесприютность (Н. Обрезкова), одиночество как исключительность собственного мироощущения (Н. Павлова), осмысление одиночества Другого-«Я» как форма приобщения к миру, единение с ним посредством сочувствия и сострадания (Н. Обрезкова, Л. Втюрина).